

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

КОТОМА-ДЯДЬКА

Народное творчество (Фольклор)

Котома-дядька

«Public Domain»

1894

Народное творчество (Фольклор)

Котома-дядька / Народное творчество (Фольклор) — «Public Domain», 1894

«Спускается за лес солнце красное, а кровавому бою и конца не видать: не долеет сила царская, не слабеет и сила бусурманская. Сошла на землю темная ночь – все кипит-горит кровавый бой... Поутру, на восхожем на солнышке, стряслась беда над Белым царем: он врубился в неприятельскую рать, далеко отбился от своих верных товарищей. Тут, середь силы бусурманской, пал царский конь бездыханным; окружили враги царя, великой толпой на него накнулись. Уж изрублен царский доспех, его ноги подгибаются, слабеют его руки могучие, бежит из ран горячая кровь на землю...»

Народное творчество

Котома-дядька

Спускается за лес солнце красное, а кровавому бою и конца не видать: не долеет сила царская, не слабеет и сила бусурманская.

Сошла на землю темная ночь – все кипит-горит кровавый бой... Поутру, на восхожем на солнышке, стряслась беда над Белым царем: он врубился в неприятельскую рать, далеко отбился от своих верных товарищей. Тут, середь силы бусурманской, пал царский конь бездыханным; окружили враги царя, великой толпой на него накиннулись. Уж изрублен царский доспех, его ноги подгибаются, слабеют его руки могучие, бежит из ран горячая кровь на землю...

Не золота труба вострубила, крикнул царь из последних сил громким голосом: «Эй, слуги мои верные, неизменные товарищи! Вы спасайте меня от гибели, коли живого не выручите – не дайте хоть моего царского тела неверным на поругание!» А царское войско мнется – испугалось: старший за среднего хоронится, средний младшим прикрывается, младший без старших вперед не идет...

Из-за тех ли темных лесов, из-за тех зеленых дубрав выезжает матерой старый витязь. Услышал он царский зов; он бил коня по крутым бедрам; конь в первый ускок сто сажень скакнул, во второй ускок – целую версту промеж ног проложил, а в третий ускок вскочил в силу бусурманскую... Как матерый дуб промеж тонкими кустами лозовыми, так богатырь середь войска бусурманского... Живет богатырь в бусурманской силе, словно острая коса в сенокос середь мягкой травы ворочается: куда на коне пройдет – там улица, где мечом махнет – переулочек, обернет коня – лежит кругом войско площадью...

Только ловки бусурмане в конном бою. И того богатыря коню не посчастливилось: лишь пробился богатырь до того места, где царь из последних сил мечом отмахивался, подкосились у коня резвые ноги, пал конь на землю – пробила его грудь бусурманская стрела. И тут матерой старик не задумался: прикрыл царя своим старым щитом, в боях изрубленным, и вывел царя живым из смертного боя. Не смели уж бусурмане к богатырю близко подойти; издали только в него с царем стрелами, словно градом, сыпали.

В царском шатре, на смертном одре спрашивает царь своего заступника: «Ты скажи мне, славный витязь, могучий богатырь: из каких ты родов, каких городов; как тебя по имени-отчеству зовут?» Отвечает ему матерой старик: «Из твоего я, государь, царства, из крестьянского рода, а зовут меня Никанором, прозывают Котомой». Тут сказал царь Никанору Котоме: «Спасибо тебе, детинушка, что не отдал ты меня бусурманам на поругание! Правь же ты, могучий богатырь, моим царством, пока не придет в возраст сынок мой, наследник Алмазцаревич, и до той поры будь ему дядькою. А ты, Алмаз-царевич, слушайся и почитай Котому, твоего дядьку. Будешь слушаться – счастлив будешь, а будешь ослушником – пропадешь, как муха в мороз».

Сказал так царь, и душа у него с израненным телом рассталась.

Стал жить Алмаз-царевич после смерти отца; во всем он Котому-дядьку слушается, обо всем с ним совет держит. Дошел царевич и до совершенных лет. Говорит тогда ему дядька Котома: «Пришла пора тебе, царевич, за дело братья: самому царством править. Только наперед надо тебе выбрать себе невесту. Пойди ты в большую палату – там всех царевен, твоих сверстниц, портреты развешены – и выбери, какая тебе покажется». Пошел Алмаз-царевич в большую палату, все портреты переглядел, вернулся и говорит Котоме-дядьке: «Ни одна из тех царевен мне не понравилась!» Закручинился Котома, царский дядька, запечалился. «Коли так, – говорит, – надо, значит, нам сватать Волшебную королеву, Белую Лебедь Захарьевну, – лучше ее и на свете нет. Только трудно ее высватать: хитра-мудра Белая Лебедь и силой против

нее до сей поры еще никто не выстоял. А выйдет она только за того, кто над ней и разумом и силою верх возьмет. Ну, да поедем: из-за такой красоты молодцу и судьбу попытать не грех».

И поехал Алмаз-царевич с дядькой Котомой в дальние земли, в неведомые страны – сватать Волшебную королевну Лебедь Белую Захарьевну. Долго ли, коротко ли они ехали – не доезжая тысячи верст до города Лебеди Захарьевны, встречает их от нее гонец: «Слышала, – говорит, – моя госпожа, что едет к ней славный Алмаз-царевич свататься. И наказала она, чтоб дальше и ехать он не беспокоился, коли не выполнит малой задачи, не собьет отсюда шестипудовой палицей с ее терема золоченых маковок». Отвечает гонцу дядька Котома: «Скажи Белой Лебеди Захарьевне, что непристойно царскому сыну палками швыряться. А будет его воля мне, слуге его, приказать – и я, малосильный, ту задачу выполню». Поднял Котома шестипудовую палицу, словно перышко, и кинул ее; полетела палица, загудела и так тяжело ударила в терем королевны Белой Лебеди, что весь дворец зашатался, из окон стекла посыпались, а золотые маковки все прочь отлетели...

Поехал Алмаз-царевич дальше. На рубеже королевства Белой Лебеди выезжают им навстречу от нее послы, ведут жениху богатырского коня. На том коне никто усидеть не мог: поднимается он выше леса стоячего, летит по поднебесью, а как по земле бежит – из-под копыт целые горы выметывает. Держат коня двенадцать человек на железных цепях; а конь ржет, словно труба трубит, глубоко копытом землю бьет, на волю рвется... Не знает Алмаз-царевич, как к коню и приступить. Тут подошел к коню Котома-дядька: «Кажись, конь-то плох, – говорит, – надо вперед мне попробовать: годится ли еще под царское седло». Вскочил на коня – сразу богатырский конь от земли отделяется, выше леса поднимается; что повыше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего. Котома крепко сидит, сжал коня коленями, а сам вынул из кармана чугунное полено и давай коня тем поленом между ушей осаживать. Избил одно полено – другое вынул; два избил – за третье взялся. И так донял он богатырского коня, что взмолился конь человеческим голосом: «Богатырь Котома, отпусти хоть живого на белый свет!» Отвечает коню Котома-дядька: «Слушай, собачье мясо! Сядет на тебя Алмаз-царевич – ты по самые щетки в землю подайся и под ним тяжким шагом иди, словно под непомерной тяжестью». Выслушал конь приказ и опустился на землю чуть жив, весь пеной облитый, на ногах шатается. Котома взял его за хвост, повернул вокруг себя три раза и кинул послам под ноги: «Берите назад эту падаль, – говорит, – у нас на таких клячах и навоз в поле вывозить совестятся, а вы царевичу под седло привели!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.